Министерство культуры Российской Федерации
Государственный музей-заповедник «Ростовский кремль»

История и культура Ростовской земли

2025

Ростов Великий
2026

УДК 94(470.316-21)(082)
ББК 63.3(2Рос-4Яро-2)я43
И90

Сборник материалов научной конференции
«История и культура Ростовской земли», выходит с 1991 года

Научный редактор Я. Е. Смирнов

История и культура Ростовской земли. 2025 /
И90 ГМЗ «Ростовский кремль»; науч. ред. Я. Е. Смирнов. — Ростов Великий : ГМЗРК, 2026. – 572 с. : ил.
ISBN 978-5-6046013-3-4

В сборнике опубликованы материалы XXXIV научной конференции «История и культура Ростовской земли», состоявшейся в Государственном музее-заповеднике «Ростовский кремль» 5–7 ноября 2025 г.

Издание адресовано научным работникам, исследователям отечественной и региональной истории и культуры, краеведам, преподавателям и студентам гуманитарных специальностей высших учебных заведений.

УДК 94(470.316-21)(082)
ББК 63.3(2Рос-4Яро-2)я43

ISBN 978-5-6046013-3-4

© Государственный музей-заповедник
«Ростовский кремль», 2026

Содержание

Парфенов А. Ю. *(Москва).* Еще раз о времени служения святителя Иакова, епископа Ростовского 7

Рубцова М. Л. *(Ростов Великий).* Спасо-Преображенский Княгинин и Яковлевский Зачатьевский монастыри в Ростове как примеры двойных обителей на Руси. Постановка проблемы 13

Ручкина А. Ю. *(Москва).* Функции свидетельств об ароматах в житиях юродивых на примере Жития Исидора Твердислова 24

Черкасова М. С. *(Вологда).* Жалованные грамоты Спасо-Ярославского монастыря XIV–XVII вв. и их особенности 31

Столярова Л. В. *(Москва).* Чем был «венецианский териак», переданный Джеромом Горсеем для царицы Марии Федоровны Нагой в Ярославле, в мае 1591 г.? 43

Иванов Л. М. *(Рыбинск).* Рыбная слобода — малый город Московского царства XVI–XVII вв. 64

Сергеев А. В. *(Санкт-Петербург).* Землевладение членов Государева двора в Ярославском уезде в 1620-х гг. 80

Мельник А. Г. *(Ростов Великий).* Митрополичьи кельи на сушилках, погребах и ледниках Ростовского кремля 99

Никитина Т. Л. *(Ростов Великий).* Художественная жесть в интерьерах церквей ростовского митрополита Ионы 117

Горбачевский Е. А. *(Москва).* Ростовские дети боярские по материалам разбора 1679 г. 129

Полознев Д. Ф. *(Ярославль).* Ловецкие люди Ярославля XVII в. 150

Стародубов Ю. В. *(Москва).* Круг предполагаемых заказчиков строительства и росписи Спасского храма села Николо Заболотье Тутаевского округа Ярославской области 162

Коновалов В. В. *(Ярославль).* Свт. Димитрий Ростовский и «кризис» приходской школы в конце XVII в. 177

Корзинин А. Л., Бородовский А. И. *(Санкт-Петербург)*. О датировке синодиков Ростовского Успенского собора XVII–XVIII вв. 191

Белова Н. В. *(Ярославль)*. Коллекция изданий гражданской печати XVIII в. Ярославской областной универсальной научной библиотеки имени Н. А. Некрасова: анализ свидетельств бытования экземпляров 202

Букреева О. В. *(Ростов Великий)*. Библиотека Ивана Алексеевича Назимова в коллекции музея-заповедника «Ростовский кремль» 213

Кузнецова О. А. *(Москва)*. Репрезентация городских сцен на изразцах с текстами XVIII–XIX вв. 230

Рубцова М. Л. *(Ростов Великий)*. Вклады почитателей св. Димитрия Ростовского в Спасо-Яковлевский монастырь во второй половине XVIII — начале XIX в. К вопросу о новых именах и атрибуции предметов из собрания музея «Ростовский кремль» 243

Скурат Н. К. *(Москва)*. Преподобный Антоний Оптинский, его семья и Ростов Великий 276

Иванов Л. М., Гожалимова О. С. *(Рыбинск)*. Петр Ильич Гундобин — собиратель древностей Рыбинска 291

Мельник Л. Ю. *(Ростов Великий)*. Рудаковский сад: видовая и сортовая реконструкция помещичьего сада 1880-х гг. 297

Леонов Д. Е. *(Ростов Великий)*. Насельники Ростовского Борисоглебского мужского монастыря во второй половине XIX — начале XX в.: динамика численности, социально-демографические характеристики 315

Грибанова С. Ю. *(Ростов Великий)*. История ростовского купечества второй половины XIX — начала XX в. в зеркале семейных хроник Шелеховых и Деевых 325

Киселев А. В. *(Ростов Великий)*. Повседневная жизнь Ростова в конце XIX — начале XX в.: профессиональная структура (на материалах газеты «Северный край» и ее продолжений 1898–1909 гг.) 342

Лисицына Н. Е. *(Клин).* Предметы крестьянского костюма XIX — начала XX в. из собрания Клинского краеведческого музея 355

Александров Н. М. *(Ярославль).* Ростовский уездный местный комитет Особого совещания о нуждах сельскохозяйственной промышленности о положении в деревне на рубеже XIX–XX вв. и о мерах по ее модернизации 372

Степанов К. А. *(Ростов Великий).* Первая мировая война: поставка ткани для нужд армии из Ростовского уезда Ярославской губернии 385

Грязнова Н. С. *(Ростов Великий).* Реставрация и исследование иконы «Святитель Димитрий Ростовский» XIX в. 396

Нечаева Т. Н., Родионова В. Ю. *(Москва).* Новые открытия в Рублевском музее 407

Кострицкая К. А., Галкина Ж. Б. *(Клин).* Коллекция ручных прялок из фондов Клинского краеведческого музея 421

Панченко И. А. *(Санкт-Петербург).* Образ Ростовской земли в фотографической коллекции Государственного Русского музея 436

Колбасова Т. В. *(Ростов Великий).* Экспедиции Д. А. Ушакова 1920-х гг. и их роль в формировании коллекции древнерусского искусства Ростовского музея 458

Артемичева Е. Г. *(Ростов Великий).* К вопросу о творчестве ведущего ювелира ростовской финифти второй половины XX в. Л. Н. Матаковой 482

Пономаренко С. В. *(Ростов Великий).* Произведения Алексея Гавриловича Пичугина из собрания «Ростовского кремля»: исследование и выявление характерных особенностей 495

Пак В. Ф. *(Ростов Великий).* К вопросу об истоках участия ростовских художников в создании экстерьерных эмалевых икон 515

Рыкунова И. И., Уткин Д. Е. *(Рыбинск – Ростов Великий).* Разведка на территории Михайловского археологического комплекса в 2025 г. 525

Зыков П. Л., Леонтьев А. Е., Торшин Е. Н., Френкель Я. В. *(Санкт-Петербург – Москва – Санкт-Петербург).* Первая церковь Бориса и Глеба в Ростове. Открытие, изучение и результаты исследования 2025 г. 534

Морозов А. Г. *(Ростов Великий).* Ростовская земля и Всероссийский историко-культурный проект «Императорский маршрут» 547

Капков К. Г. *(Сольба).* Издательско-просветительская деятельность научного отдела Николо-Сольбинского женского монастыря Переславской епархии 559

Список сокращений 567

УДК 94(47)"1591":615

ЧЕМ БЫЛ «ВЕНЕЦИАНСКИЙ ТЕРИАК», ПЕРЕДАННЫЙ ДЖЕРОМОМ ГОРСЕЕМ ДЛЯ ЦАРИЦЫ МАРИИ ФЕДОРОВНЫ НАГОЙ В ЯРОСЛАВЛЕ, В МАЕ 1591 Г.?[1]

Столярова Любовь Викторовна,
доктор исторических наук,
Институт всеобщей истории РАН, г. Москва
E-mail: lvsto@mail.ru

Настоящее исследование посвящено истории так называемого универсального противоядия — териака (трикла), над созданием которого билась медицина Античности, Средневековья и Нового времени. Применение разнообразных токсинов в качестве важнейшего орудия политической борьбы в Европе вплоть до конца XVIII в. требовало разработки антидота, действенного если не в отношении всех, то, по крайней мере, многих ядов. Прописи териаков, насчитывавшие до сотни компонентов, включали как средства, стимулирующие выделительные функции человеческого организма и выполнявшие роль действенного анестетика, абсорбента, антидепрессанта и седатика, так икомпоненты, очевидно бесполезные с точки зрения современной фармакопии (кожа змеи и пр.), которые были лишь данью медицинской науки того периода. Первое упоминание об употреблении териака в лечебных целях в России относится к событиям 1591 г. в Угличе, Москве и Ярославле — они связаны с гибелью царевича Дмитрия Ивановича и предполагаемым отравлением царицы Марии Федоровны Нагой. В статье рассматривается как этимология слова «териак», так и эволюция состава европейских средневековых териаков. Один из них — «венецианский» — был передан родственникам царевича и его матери дипломатом и многолетним управляющим московской конторой Английской торговой кампании Джеромом Горсеем.

Ключевые слова: история средневековой России, источниковедение, история медицины, фармакопия древности и средневековья, универсальное противоядие, венецианский териак, гибель царевича Дмитрия в Угличе, «отравление» царицы Марии Федоровны Нагой.

[1] Пользуюсь случаем с благодарностью вспомнить Михаила Аакрямовича Жданова (1962–2022), не только взявшего на себя труд ознакомиться с этой статьей в рукописи и внести в нее правку редакционного характера, но и помогавшего мне советом и сделавшего ряд важных замечаний. Без горячего участия М. А. Жданова эта статья никогда не была бы написана.

© Столярова Л. В., 2026

WHAT WAS THE «VENICE TREACLE» GIVEN BY JEROME HORSEY FOR TSARINA MARIA FEODOROVNA NAGAJA?

Stolyarova Lyubov Viktorovna,
Doctor of Historical Sciences, Institute of General History
of the Russian Academy of Sciences (RAS), Moscow
E-mail: lvsto@mail.ru

This study is devoted to the history of the socalled universal antidote — theriac (or trical), the development of which engaged the medical science of Antiquity, the Middle Ages, and the Early Modern period. The use of various toxins as a key instrument of political struggle in Europe up until the end of the 18th century necessitated the creation of an antidote effective against, if not all, then at least many poisons. Theriac recipes, which could include up to a hundred components, comprised both agents that stimulated the excretory functions of the human body and served as potent anaesthetics, absorbents, antidepressants, and sedatives, and ingredients that are clearly ineffective from the standpoint of modern pharmacopoeia (such as snake skin, etc.). The latter were merely a reflection of the medical knowledge of that era. The first mention of theriac being used for medicinal purposes in Russia relates to the events of 1591 in Uglich, Moscow, and Yaroslavl — these are linked to the death of Tsarevich Dmitry Ivanovich and the alleged poisoning of Tsarina Maria Feodorovna Nagaya. The article examines both the etymology of the word «theriac» and the evolution of the composition of European medieval theriacs. One of them — the «Venetian» theriac — was given to the relatives of the tsarevich and his mother by Jerome Horsey, a diplomat and longterm manager of the Moscow office of the English Trading Company.

Keywords: history of medieval Russia, source studies, history of medicine, pharmacopoeia of antiquity and the Middle Ages, universal antidote, Venict treacle («theriac»), death of Tsarevich Dmitry in Uglich, «poisoning» of Tsarina Maria Feodorovna Nagaja.

***

Вскоре после гибели царевича Дмитрия Ивановича (15 мая 1591 г.) и незадолго до прибытия в Углич Следственной комиссии во главе с князем боярином Василием Ивановичем Шуйским (то есть ок. 19 мая 1591 г.) в ближайшем окружении вдовствующей царицы Марии Федоровны Нагой возникли подозрения, что она отравлена. Нагие полагали, что царица едва ли не при смерти.

Единственное достоверное свидетельство о состоянии Марии Нагой после потери сына сохранилось в записках английского дипломата Джерома Горсея (Jerome Horsey). В них сообщается, что «брат» царицы Афанасий Нагой («empress′ brother», «Afanasii Nagoi») среди ночи приехал в Ярославль и постучался в ворота Английского двора — резиденции прибывавших в Россию англичан [1, с. 461–496]. Именно там в это время

находился Джером Горсей, высланный из Москвы из-за ссоры с дьяком Андреем Щелкаловым.

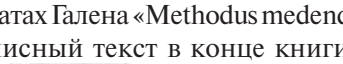
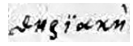
Сообщив Горсею, что «царевич Дмитрий мертв», Нагой утверждал, что «...царица отравлена и при смерти, у нее вылезают волосы, ногти, слезает кожа» («The Tsarevich Dmitrii is dead; [...] and the empress poisoned and upon point of death, her hair and nails and skin falls off» [2, с. 130; 3, p. 357–359]). Реактивный психоз (острейшая психопатологическая реакция на невосполнимую утрату), охвативший Марию Нагую, проявился в том числе в соматизированной депрессии[2]. Симптомы — выпадение волос, изменения в состоянии ногтей и кожи — родственники царицы восприняли как признаки отравления [1, с. 461–496].

Нагой умолял Горсея о помощи и просил дать ему «какое-нибудь средство» («help and give some good thing») для несчастной матери царевича [3, p. 357]. Дипломат передал ему «небольшую склянку с бальзамом, которую дала... королева» [«a little bottle of pure salad oil (that little vial of balsam that the queen gave me)»]) и коробочку венецианского териака (трекла) («a box of Venice treacle»).

Что представлял собой териак, полученный одним из Нагих [15, с. 196–203] от Горсея, и почему им пытались лечить Марию Нагую в мае 1591 г. от мнимого отравления?

Териаком (греч. θηριακή, лат. **thērĭăca** или **thērĭăcē**) называли универсальное противоядие, якобы способное излечивать все без исключения отравления [4, p. 172–175; 5, p. 685–688; 6, с. 5–14].

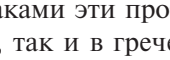
Происхождение слова «териак» остается спорным. В историографии его выводят либо от перс. «опиум», либо от греч. θηριακή («звериная»). Согласно словарю Лиддела и Скотта, θηρίον означает «дикое животное, зверь» («wild animal»), а θηριακός — «относящийся к ядовитым животным» («concerning venomous beasts»). Существительное θηριακή трактуется как «противоядие от ядовитого укуса» («antidote against a poisonous bite»). В Латинском словаре Льюиса и Шорта **thērĭăcus** (a, um) приводится как прилагательное, а **thērĭăca** (ae, или **-ē** , ēs, f.) — как существительное со значением «противоядие от укуса змей или от яда вообще» («an antidote against the bite of serpents, or against poison in gen.») [10, с отсылкой на: Plin. NH XIV, xxii, 117; XX, c, 264; XXIX, viii, 24; XXIX, xxi, 70; см.: 11, с. 85].

В трактатах Галена «Methodus medendi» и «Антидоты» ( , греч. рукописный текст в конце книги, без пагинации), это слово выглядит так:  [7–9]. Наиболее известным и употребительным противоядием считался так называемый териак Андромаха. Именно поэтому в литературе нередко отождествляют понятия «териак» и «териак Андромаха», однако это некорректно.

Клавдий Гален (129 — ок. 216 г.) в своем труде «De Antidotis» («Антидоты»), привел не только рецепт териака Андромаха, но и составы териаков

[2] Заключение врача-психиатра П. В. Белоусова.

других автров: Дамократа (Damocrates Servilius, I в. н. э.), Критона (Criton, I–II вв. н. э.), Антипатра (Antipater, I или II в. н. э.), Элия Галла (Aelius Gallus, I в. до н. э., военачальник Августа, который, по преданию, привез рецепт из Аравии), Евклида Палатианского (Eucleides Palatianus, I в. н. э.), Зенона (Zenon Laodicensis, III–II вв. до н. э.), Клавдия Аполлония (Claudius Apollonius, II в. н. э.), Антиоха Филометора (Antiochus Philometor, II в. н. э.) и Гераса (Heras, I в. н. э.).

Териаками эти противоядия именуются как в латинских переводах (theriaca), так и в греческом оригинале:  [8]. Все известные териаки предназначались прежде всего для лечения от укусов ядовитых животных. В источниках встречается оборот «antidotus... quae est bona theriaca» («противоядие, которое есть хороший териак»), где родовое понятие *antidotus* уточняется видовым — *theriaca*.

Наряду с териаком (а зачастую как синонимичное ему понятие) в источниках фигурирует *Electuarium theriacale*. Однако Electuarium, по-видимому, обозначает лекарственную форму, в которой применяли не только териак, но и многие другие средства.

Аптекарь и фармацевт Никола Лемери (1645–1715) определял электуарий (*electuarium, électuaire*) как «состав из нескольких компонентов» (*composition faite avec plusieurs ingrédiens*), «отборных» (*choisis*; от лат. *election* — «выбор»). При этом Лемери различал «твердые» (*tablettes*) и «жидкие» (*liquide*) электуарии, а также составы с консистенцией меда (*consistance de miel*).

В отдельной главе, посвященной «жидким» электуариям («Des Opiats, des Confections & des Electuaires liquids»), Лемери описал не только митридациум (Mithridate de Damocrates, Mithridatium Damocratis) и териак Андромаха (Thériaque d'Andromaque, Theriaca Andromachi), но и другие электуарии. Среди них — «орвиетан» (Électuaire Orviétan), также считавшийся противоядием. Кроме того, он охарактеризовал серный электуарий (Électuaire de Soufre) — противоастматическое, отхаркивающее, болеутоляющее, снотворное средство, — а таже дубровниковый электуарий (Électuaire Diascordium) и еще несколько десятков электуариев самого различного состава и действия.

В ряде случаев наименование *électuaire* применяется и к лекарствам в формах *confection*, *opiate* и *antidote*. В конце рецепта, после перечисления компонентов, нередко говорится: «Сделайте из этого электуарий» («Faites-en un électuaire») [5, p. 676–824; особенно p. 684, 685,691, 695][3].

А. Дешабр (A. Dechambre) связал этимологию слова «Electuarium» с греч. **ἐκλειγματάριον** (от **ἔκλειγμα** «лизать, сосать») и определил электуарии (Électuaires) как медикаменты с консистенцией мягкой пасты на основе

[3] Фундаментальный труд Лемери был завершен в 1697 г., однако переиздавался еще в XVIII в. (например, 5-е издание его «Фармакопеи» увидело свет в 1763–1764 гг.), продолжая, таким образом, оказывать влияние на развитие фармацевтики в Европе. На это мое внимание обратил М. А. Жданов.

меда или сиропа с добавлением ароматических смол [12, p. 378; 13, p. 1323]. Он сослался на *Codex medicamentarius, Pharmacopée française*, в которых приведены такие электуарии, как копайский (*copahu*), зубной (*dentrifice*), дубровниковый (*diascordium*), ревенный (*rhubarbe*), шафрановый (*safran*), сенновый (*séné*) [14, p. 382–390], а также териаковый (*Électuaire thériacal*; *Thériaque*; *Theriaca*) [14, p. 382–390].

Никола Лемери использовал определение *theriacalis* («териаковый») и в отношении других лекарственных форм на основе этого средства: «териаковая вода» (*Eau Thériacale*; *Aqua Theriacalis*); «териаковый уксус» (*Vinaigre Thériacal; Acetum Theriacale*); «териаковый спирт» (*esprit-de-vin thériacal; spiritus vini theriacalis*); «териаковые таблетки» (*Tablettes Thériacales; Confection Thériacale*); «териаковая настойка» (Teinture theriacale) [16, p. 103, 157; 5, p. 670, 720, 844, 845]. Известен также и «териаковый порошок» (*Poudre thériacale*), из которого после смешивания с медом, сиропом и смолами приготовляли электуарий [14, p. 389].

Таким образом, конструкция *Electuarium theriacale* обозначала только одну из форм, в которой врачи применяли это средство — от Античности до Нового времени.

В то же время Никола Лемери в главе об электуариях приводит состав териака Андромаха (Thériaque d'Andromaque) без уточнения «Électuaire» в заголовке рецепта [5, p. 685], хотя для других медикаментозных препаратов этой формы он такое уточнение делает (например, Électuaire Orviétan и др.). Лемери определяет это средство как вид опиата или антидота (*une espéce d'opiate ou antidote*) [16, p. 50], причем называет *opiate* (*opiata*) разновидностью жидкого электуария (*une espéce d'électuaire liquide*) [16, p. 40]. Дешабр также именует его электуарием (*La thériaque est un électuaire...*) [13, p. 170]. Следовательно, в наиболее распространенной форме препарат был электуарием, а термин «териак» по сути уже включал в себе понятие «электуарий».

В пользу этого предположения свидетельствует и этимология: от лат. *theriaca* через позднелат. *triacula* и старофр. *triacle* происходит англ. *treacle* — «патока» [17]. То есть именно консистенция (а может быть, и вкус) этого средства стала тем признаком, благодаря которому его название перешло к совсем иному веществу.

Вероятнее всего, лат. *theriaca* восходит к греч. θηριακή («звериная»), а оно, в свою очередь, — к греч. θηρίον («дикий зверь»). До Галена это слово встречается, например, как название сочинения Никандра из Колофона (Νίκανδρος ὁ Κολοφώνιος), придворного врача пергамского царя Аттала (II в. до н. э.), — «Θηριακα» («Звериная [книга]» — о природе ядовитых животных). Плиний (NH. XX. 264) упоминает соответствующее противоядие (theriace), которым пользовался царь Антиох Великий (III–II вв. до н. э.).

Гален уже употреблял слово θηριακή в значении «противоядие от укусов, содержащее змеиное мясо», но едва ли он был автором этого термина. Он писал: «...cuiusmodi est quam theriacam vocant («такого рода есть

то, что называют териаком»). Иными словами, в эпоху Галена название «териак» уже получило распространение [9, lib. 1]. Изобретение состава Гален приписал врачу Нерона — Андромаху Старшему, который, однако, не употреблял греческое слово θηριακή в своей элегии. Сын Андромаха Старшего Андромах Младший, также придворный врач Нерона (книгу которого Гален часто цитирует), первым применил термин αρτϊσκων θηρϊακων («териаковые хлебцы» (Linacre, 1519) и фактически придал слову «θηριακή» то значение, которое впоследствии за ним закрепилось.

Что касается предполагаемой связи териака с персидским словом «опиум», то в современном персидском языке есть два созвучных слова [18, с. 369; 19], почерпнутые из арабского تِرْيَاقٌ **противоя́дие**

تریاق [тэрйаґ] противоя́дие.
تریاک [тäрйак *и* тэрйак] о́пиум, терья́к;
کشیدن ~ кури́ть о́пиум; مالیدن ~ приго-
та́вливать, производи́ть о́пиум.

Вероятно, имело место заимствование с Запада на Восток: сначала θηριακή / *theriaca* претворилось в арабское слово с тем же значением, а уже позже — по сходству консистенции териака-противоядия с опием-сырцом — в персидском языке приобрело значение «опиум». Подобно этому и в Европе старое *treacle* («противоядие») позднее (с 1690-х гг.) стало означать «патока» [20][4].

В литературе встречается утверждение, что териак был изобретен Митридатом VI Евпатором (ок. 132 — ок. 64 или 63 г. до н. э.) и что «митридациум» — одно из названий противоядия типа териака. Однако средство, создание которого приписывается Митридату VI, не называлось териаком. С именем царя логичнее связывать лишь изобретение его первого прототипа: «On trouve l'origine de la theriaque dans l'electuaire compose par Mithridate...» («Начало териака мы находим в пасте, составленной Митридатом...») [4, p. 170].

Победитель Митридата, Гней Помпей Великий, якобы распорядился разыскать чудодейственный митридациум. Действия Помпея в отношении противоядия Митридата описаны Плинием Старшим в «Естественной истории»: «[Митридат] оставил в своих секретных ящиках описания этих [средств], образцы и действия [каждого]; Помпей же, овладев всей царской добычей, велел своему вольноотпущеннику грамматику Ленею перевести их на наш язык» (Lib. XXV, cap. III). Плутарх указал место находки Помпеем тайного «архива» Митридата: «В крепости, называемой Caenon (Новая) [Καινών φρουρίων] он завладел тайными записями Митридата, которые просмотрел не без удовольствия...» (Plutarch. Pompeius, 37). Вероятно, в этом «архиве» хранился и рецепт «митридациума».

[4] Предположение М. А. Жданова.

Страбон называет эту крепость ***Καινὸν χωρίον*** («Новое место») и указывает, что она располагалась менее чем в 200 стадиях (ок. 35 км) от Кабир — одного из главных городов Понта на реке Лик, где действительно был дворец — ***βασίλεια***, на границе с Малой Арменией. Крепость ***Καινὸν χωρίον*** считалась неприступной, и римляне едва ли могли взять ее силой. Страбон также отмечает, что там хранились самые драгоценные сокровища Митридата, которые Помпей впоследствии посвятил в Капитолий (Strabo, IB, p. 556).

Учитывая эти сведения, а также то, что Кабиры и другие крупные города Понта (Синоп, Амис), где могли располагаться дворцы, были захвачены предшественником Помпея Лукуллом ранее 66 г. до н. э. (Appian, XII, 72–86), тогда как «Новую крепость» взял уже Помпей, можно предположить, что римляне овладели этим укреплением, сокровищами и «архивом» Митридата в результате предательства.

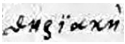
Аппиан в «Митридатовых войнах» излагает историю Стратоники — наложницы Митридата, которая сдала Помпею крепость с сокровищами, вверенную ее управлению царем. Названия крепости Аппиан не приводит (Appian, XII, 107). Дион Кассий именует сданную Стратоникой крепость Симфорион **Συμφόριον** (Dion, XXXVII, 7). Известно отождествление Симфориона с Синореей — другой крепостью Митридата, одной из 75, построенных им в Малой Армении для хранения сокровищ [21, p. 113 («Properly called Sinoria»)]. Сюда устремился Митридат после поражения в битве с Помпеем на реке Лик, а затем проследовал дальше — через Колхиду в Боспор (Strab, XII, III, 28, p. 555). Об этой же крепости говорят Аппиан (XII, 101 — ***Σινόρηγα φρούριον***) и Плутарх (Pomp., 32 — ***χωρίον Σίνορα***).

Академик Я. А. Манандян полагал, что Синория располагалась в районе хребта Коп-Даг — водораздела между верховьями рек Карасу (Евфрат) и Чорох (Акампсис) [22, с. 70–82]. Учитывая, тем не менее, явное созвучие названия между **Συμφόριον** Диона и Καινών φρουρίων / χωρίον Плутарха и Страбона, можно допустить, что «Новая крепость» и была той самой сокровищницей, которую Стратоника передала Помпею.

При этом Плутарх не связывает напрямую действия Стратоники со взятием именно «Новой крепости». В его тексте эти эпизоды расположены последовательно: отступление Помпея от Куры в Малую Армению (36); история Стратоники и сдача ею «одной из крепостей» (36); обнаружение Помпеем архива Митридата в «Новой крепости» (37). Отождествлению Симфориона и «Новой крепости» противоречит известие Диона Кассия о том, что Симфорион был взят Помпеем во время его второй зимовки возле Куры (65/64 г. до н. э.). Расстояние от этого места до предполагаемой Синории гораздо меньше, чем до «Новой крепости».

В любом случае очевидно, что победитель Митридата, Помпей Великий, завладев одной из царских крепостей, обнаружил в ней тайный «архив». Среди прочих записей в нем был найден драгоценный рецепт

митридациума, который Помпей распорядился перевести на латинский язык.

Нам не удалось обнаружить сведений, подтверждающих, что Андромах переименовал «митридациум» в «териак» или использовал форму «митридациум-териак». В параллельном греческо-латинском тексте «песни» (carmen) Андромаха греческий вариант [23] соответствует рукописному у Галена [8]. В обоих текстах — и в греческом оригинале, и в латинском переводе (по-видимому, наиболее близком к греческому) — отсутствуют слова: ни  в греческом, ни **Theriaca** в латинской версии. Лишь в заглавии, возможно, добавленном самим Галеном либо (что представляется более вероятным) Андромахом Младшим — сыном Андромаха Старшего, — есть эти термины[5]:

ΑΝΔΡΟΜΑΧΟΥ ΠΡΕCΒΥΤΕΡΟΥ
ΘΗΡΙΑΚΗ ΔΙ ΕΧΙΘΝΩΝ
Η ΚΑΛΟΥΜΕΝΗ ΓΑΛΗΝΗ. ;
ANDROMACHI SENIORIS
THERIACE EX VIPERIS
GALENE DICTA

В других латинских переводах элегии Андромаха, встречается термин *Theriaca* и производные от него, например: «Et cum mane novum, cum se sol abdidit undis, / Aequali sumat pondere theriacen» — «И как с новым утром солнце успокаивает волны, / Так же избавил бы от тягот териак»; «Accipe securae Nero libertatis alumne / Magna salutiferae robora Theriaces» — «Слушай, Нерон, свободы питомец, о силах великого целительного Териака»; «Theriace haec adimet pondus opisthonotoni» — «Териак этот устранит тяжесть судорог (столбняка)» [9, p. 389–392, cap. 17; 24, p. 73v–75]. Однако этим фрагментам нет соответствий ни в греческом оригинале, ни в наиболее близком латинском переводе (см. выше). По-видимому, они были добавлены переводчиком — или для большей связности текста, или для соблюдения стихотворного размера.

Итак, в единственном сохранившемся произведении Андромаха термин «териак» не используется. Считается, что «митридациум» (le mithridate) мог послужить образцом для Андромаха при составлении его противоядия, которое он вначале назвал **γαληνη** (galènè) — «успокаивающее», «транквилизатор». Позднее средству дали название *le thériaque*. Еще позже слово «териак» стало родовым термином, которым обозначали все противоядия [4, p. 171; 25, p. 262 (ст. «Mithridate»)].

Впрочем, в самой «песне» Андромаха слово **γαληνη** кажется лишь художественным эпитетом в ряду других — **εὔδιος** («спокойствие») и **ιλαρος** («радость»). Вероятно, в качестве названия противоядия **γαληνη** закрепилось только в фармацевтическом трактате Андромаха Младшего — сына изобретателя териака.

[5] Териак из змей Андромаха Старшего, называемый Галеном.

В фармакопеях Нового времени митридациум и териак четко различались. Так, немецкий алхимик Адриан фон Минзихт (1603–1638), хотя и не привел отдельных рецептов этих средств, упоминал их в составе других препаратов — и всегда раздельно. Например, в Aurea Hadrianea входили и Theriaca Veneta, и Mithridatium [26, p. 59–61], при этом различались Rotulae Mithridaticae и Rotulae Theriacales [26, p. 165], Acetum Theriacale и Acetum Mithridaticum [26, p. 365–366] и др. В составе Confectio Theriacalis одновременно присутствовали и териак Андромаха, и митридациум Дамокрита [26, p. 222].

Никола Лемери приводит рецепты как митридациума (*Mithridate, de Damocrates, Mithridatium Damocratis* [5, p. 684]), так и териака (*Thériaque d'Andromaque, Thériaca Andromachi*) [5, p. 685–686]. По отдельности Митридациум (*mithridatium Damocratis*) и териак (*theriaca veteris, Theriaca Andromachi*) входят в состав Antidotus seu Electuarium Cortesii [5, p. 701], Antidotus Matthioli [5, p. 701–702], Confectio Theriacalis [5, p. 720], Oleum Scorpionum [5, p. 1003–1006], Emplastrum de Fuligine («из сажи») [5, p. 1210].

К середине XVIII в. европейские фармацевты различали рецептуру нескольких териаков (Theriaca) [27, p. 80–82]: например, «Theriaca Diatessaron» («териака для бедных») [27, p. 82] и «Theriaca coelestis» («небесный», «божественный териак») [27, p. 83–84], а также митридациума (Mithridatium) [27, p. 84–86]. И териак, и митридациум входили в состав «сложного скорпионового масла» («Oleum scorpionum compositum») [27, p. 138–139].

Codex medicamentarius 1884 г. уже не упоминает митридациум, но сохраняет рецепт териака [14, p. 388–390]. При этом Никола Лемери в своей работе приводит рецепты как митридациума, так и териака, практически не отличающиеся от рецептов Галена [5, p. 684, 685; 28, p. 392, 418]. Даже во французской фармакопее 1884 г., где митридациум уже исключен, есть рецепт териака (Électuaire thériacal) из 56 компонентов. Для сравнения: «териак Андромаха» у Галена включал 64 компонента, причем 48 из них совпадали с галеновским составом [14, p. 388].

Таким образом, митридациум и териак на протяжении длительного времени рассматривались как разные препараты, а рецептура Галена оказывала влияние на фармацевтику вплоть до конца XIX в.

В истории медицины известны довольно необычные случаи профилактического применения антидотов. Так, И. Д. Гадаскина и Н. А. Толоконцев (1988), ссылаясь на Тацита, пишут, что мать Нерона, Агриппина, опасаясь быть отравленной по приказу сына, сопровождала каждый прием пищи употреблением противоядия [11, p. 85]. Между тем не ясно, использовала ли она именно териак.

В «Анналах» Тацита название противоядия не указано: автор лишь отмечает, что Агриппина «...atque ipsa praesumendo remedia munierat corpus» («...к тому же сама соответствующими (подходящими) лекарствами (remedia) охраняла тело») [29, lib. XIV, cap. 3]. Светоний в труде «Жизнь

двенадцати цезарей» пишет: «et cum ter veneno temptasset sentiretque antidotis praemunitam» («...три раза он пытался отравить ее, пока не понял, что она заранее принимает противоядия» (Nero, XXXIV). Здесь средства, которые принимала Агриппина, обозначены как *antidotis*.

Считается также, что на арабском Востоке противоядия применялись в экспериментальных целях — в частности, при дворе некоего «калифа Мотавеккима». Вероятно, имеется в виду халиф аль-Мутаваккиль Алаллах (847–861). Согласно отдельным свидетельствам, Мотавекким во время пиршеств подвергал своих гостей укусам змей, а затем излечивал их териаком [30, с. 317].

Халиф действительно отличался бурным воображением и склонностью к пиршествам. Источник сообщает: «И ни в одном из собраний кого-либо из предшествовавших [ему] халифов сынов ал-'Аббаса [не] было явлено [столько] игр, развлечений и шуток, кои обычно запрещаются, как [было явлено в собраниях] ал-Мутаваккила. Поистине, он первым пришел к этому и придумал это. Он [также] придумал такие вещи, о которых мы не упомянули, и последовали ему в этом большинство приближенных и значительная часть подданных» [31, с. 291]. Кроме того, отмечается, что «аль-Мутаваккиль иногда [развлекался] тем, что натравливал змей, скорпионов и львов [на добычу]» (al-Mutawakkil occasionally [amused himself] by inciting snakes, scorpions, and lions [against prey]) [32, p. 181].

При этом халиф, скорее всего, знал о свойствах териака — возможно, от своего придворного медика Хунайна ибн Исхака, в числе трудов которого имелись два исследования о териаке [33, p. 379]. Однако последовательный просмотр исторических сочинений ал-Масуди, ат-Табари и ал-Йа'куби не выявил прямых свидетельств об экстравагантных опытах аль-Мутаваккиля над людьми [34]. Иными словами, источники прямо не указывают, кто именно выступал в роли «добычи» змей, скорпионов и львов — гости, рабы или животные; предлагался ли укушенным антидот, а также в чем именно «последовали» аль-Мутаваккилю его приближенные и подданные.

Тем не менее териак на Востоке все же широко применялся. Рецепты различных териаков и противоядий зафиксированы в трудах арабоязычных медиков — Ибн Сераби, Ибн Сины (Авиценны), бен Маймонида и др. [35, с. 19–20; 36, p. 1–62].

Крупнейшими центрами изготовления териаков в Средние века считались Константинополь, Каир, Генуя, Венеция и Нюренберг. Именно венецианский териак, или «трикл», уже в XIII в. окончательно затмил своих соперников и снискал славу наиболее действенного противоядия. По-видимому, именно в багаже Джерома Горсея впервые прибыл в Россию и был использован при лечении царицы Марии Нагой.

Составы териаков существенно различались. «Нюренбергским териаком» называли состав, принятый среди врачей и аптекарей Нюренберга и некоторых других германских городов в XVI в. При этом известны два

рецепта териака Андромаха 1547 г., изданные в Нюренберге, но не именовавшиеся «нюренбергским териаком». Это териак Андромаха «prior» («первичный»), содержащий 64 компонента [37, p. 138–142] (рецепт соответствует приведенному Галеном [9, p. 389–393]), и териак Андромаха «secundus» («вторичный»), состоявший из 66 компонентов [37, p. 119–122]. Последний рецепт под заголовком «Theriaca descriptio Andromachi, ex Aetio» (из Аэция) воспроизведен в лионском переиздании этого труда 1571 г. [38, p. 110–112]. В то же время в издании сочинения византийского медика VI в. Аэция из Амиды (Aëtius Amidenus) приведен рецепт из 65 компонентов [39, p. 791–793].

Не существовало единого состава и у французского териака. Рецепты в руководствах, диспенсаториях и фармакопеях, имевших хождение во французских городах XVI–XVIII вв., включали от 58 до 66 ингредиентов териака [40, p. 389–392 (58 ингредиентов); 41, p. 117–120 (66 ингредиентов); 42, p. 191–194 (64 ингридиента); 43, p. 208–209 (65 ингредиентов); 44, p. 62–65; 45, p. 277–278; 16, p. 600 (по 64 ингредиента); 47, p. 80–82 (65 ингредиентов)]. Авторы фармакопей, по-видимому, стремились точно воспроизвести рецепт териака Андромаха, данный Галеном в «De Antidotis» (64 компонента), иногда добавляя 1–2 средства — например, корень аира (Acorus), полынь лечебную (Abrotonum), высушенные корки лимона (Cortices Citrei).

Что касается венецианского териака, его происхождение и состав требуют отдельных пояснений. И. Д. Гадаскина и Н. А. Толоконцев (1988) ошибочно отождествили венецианский и орвиетанский териак: «Знаменитым был и орвиетский, или венецианский, териак (орвиетан), появившийся в XVII в. в виде пилюль, изобретенных шарлатаном Иеронимом Ферранти, уроженцем города Орвието...» [11, с. 85]).

Однако «орвиетан», впервые зафиксированный в фармакопее Моисея Чараса (Moyse Charas) 1676 г., а затем — у Николы Лемери (1697 г.) и в Парижском кодексе (1758 г.), ни в одном из этих изданий не назван териаком. В указанных источниках это противоядие фигурирует либо как «Orvietan», либо как «Antidotum Orvietanum». При этом в его состав (у Чараса и Лемери) входит некий «Theriaca veteris» (вероятно, териак Андромаха). Рецепт орвиетана в Парижском кодексе также включает некоторые компоненты териака Андромаха, с добавлением других составляющих.

В кратком лексиконе, предваряющем книгу Лемери, об орвиетане сказано: «ORVIETANUM, est une espece d'opiate ou un antidote fameux, qui prend son nom d'Orviete Ville d'Italie où il a esté premièrement fait» («Орвиетан есть разновидность опиата или известного противоядия, получившего свое название от итальянского города Орвието, где он был впервые произведен»). Таким образом, орвиетан представлял собой лишь усовершенствование териака Андромаха, производимого во многих европейских городах.

«Венецианский» териак считался наилучшим антидотом — видимо, потому, что венецианские купцы (как и торговцы из Генуи) непосредственно вели торговлю с восточными странами и могли получать ингредиенты для этого средства «самого высокого качества» [4, p. 171]. Именно препарат, изготовляемый в Венеции по рецепту Андромаха (в передаче Галена), ввозился в Англию, отчего и получил там название «венецианского» (ср.: «In the 12th century, theriac was being manufactured in Venice and widely exported. In England it became known as Venetian treacle») [48, p. 317–325].

Джером Горсей передал для лечения Марии Федоровны Нагой «Venice treacle» [15, с. 196–199]. Лексема *treacle* — заимствование из старофранцузского *triacle*, от латинского *theriaca* и греческого *thēriakē* [49].

В Лондонской фармакопее 1650 г., переведенной на английский язык с латинского издания 1618 г., приводится рецепт териака Андромаха под заголовком «Andromacus his Treacle» («Андромахов трикл») [50, p. 127]. Рецепт сопровожден печатным примечанием на полях: «This is that which commonly is called Venice Treacle» («То, что обычно называют венецианским триклом»). Состав этого средства не отличается от галеновского — он включает 64 компонента.

Под тем же двойным названием («Андромахов трикл» и «венецианский трикл») рецепт териака представлен и в фармакопее 1747 г. [46, p. 722]. Скорее всего, название Venice treacle бытовало в основном в Англии и выступало равнозначным синонимом Theriaca Andromachi.

Из фармацевтов других европейских стран венецианский териак упоминает лишь Адриан фон Минсихт (Adrian von Mynsicht). В его «Тезаурусе» (1638 г.) в состав одних средств (Aurea hadrianea и Electuarium dysentericum) входил Theriaca Veneta [51], тогда как в состав других (Theriaca mulierum, Theriaca febrilis) — Theriaca Andromachi. Впрочем, фон Минсихт не приводит рецептов ни венецианского териака, ни средства Андромаха, поэтому судить об их различиях невозможно. Вероятно, под Theriaca Veneta автор просто имел в виду «наилучший териак».

Во все прописи универсального противоядия входили бобровая струя (Castoreum), грибы, ладан, мирра, сагапенум, смолы различных деревьев и др. Особенно эффективным началом териака считалось переработанное змеиное мясо. Прочие компоненты значительно варьировались.

Некоторые составляющие, впоследствии ставшие неизменными, изначально выступали как замена редких и труднодоступных растений. Так, ягодами можжевельника (Juniperus) заменяли плоды «бальсамового дерева» (Carpobalsamum) [52, p. 106]; «мускатным цветом» (Macis) — листья растения Малобатр (Folii Malabathri); эндемичным видом Меума (Meum athamanticum) — корень Дягиля лекарственного (но не «кудреватого» — мифической травы, «доброй против еретиков», а не от отравлений).

В рецептах териака не зафиксированы бузина черная, крушина, корень алтея, тысячелистник, шиповник, эвкалипт и пустырник. Ягоды

красной бузины (Baccae rubrae sambuci) упоминаются лишь в териаках Адриана Минзихта и в «российском териаке» начала XIX в. [53, p. 228–230; 54, p. 174–175]. Крайне редко использовался шалфей (Salvia domestica) [40, p. 76; 55, p. 422]. Он упоминается у Лемери (1697 г.) и в Парижском кодексе (1758 г.), но уже не в составе териака, а в другом противоядии — «орвиетане». Семя алтея (но не как компонент териака, а в смеси с уксусом и маслом либо с вином) упоминается лишь у бен Маймонида [36, p. 14, 32].

Анализ сохранившихся рецептов териака позволяет заключить, что универсальное противоядие составлялось так, чтобы наряду с якобы наделенными сверхъестественной целительной силой компонентами, в его состав входили действительно целебные травы и вещества. Разумеется, «эффективность» тех или иных ингредиентов в составе универсального противоядия оценивалась с позиций медицины своего времени и существенно отличается от современных научных взглядов — как на лечебные свойства этих веществ в целом, так и на их антитоксические свойства в частности.

Для наглядности разделим обязательные компоненты териака на «условно действенные» и «условно недейственные» и представим некоторые из них в таблице 1. Заметим только, что степень выраженности эффекта даже очевидно действенных лекарственных средств зависит от целого ряда факторов: дозировки, фармакологической формы, сочетаемости с другими веществами, индивидуальной непереносимости того или иного вещества и т. д. К тому же некоторые вещества, очевидно бесполезные в качестве антидота, важны в терапии последствий острого отравления. Поэтому здесь мы говорим об «условно действенных» и «условно недейственных» компонентах антидотов, понимая всю спорность и относительность этих понятий.

Сведений о точном составе венецианского трикла Горсея нет. Поэтому в таблицу включены вещества, обязательно входившие во все известные мне прописи териаков — начиная с «Nuovo receptario...» (Firenza, 1498), первой европейской фармакопеи. Также в нее добавлены обязательные компоненты противоядий, упомянутые в трудах арабоязычных медиков, — эти источники значительно старше европейских рецептурных прописей (см., например, переводы на латинский и русский языки [56; 35]).

Существенное отличие старинных лекарственных препаратов (в том числе антидотов) от современных состоит в том, что последние, как правило, содержат лишь одну химическую формулу, тогда как фармакологи древности и Средневековья насыщали свои снадобья огромным числом действующих веществ одновременно[6].

[6] Благодарю доктора медицинских наук П. С. Глушкова, обратившего мое внимание на эту фармакологическую метаморфозу.

Таблица 1. Условно действенные и условно недейственные обязательные компоненты териака в рецептах древности и средневековья

№ п/п	Условно действенные компоненты антидота	Условно недейственные компоненты антидота	Примечания
1.		Лепешки из змеиного мяса	
2.		Бобровая струя (Castoreum)	противовоспалительное, успокоительное средство
3.	Грибы (в зависимости от вида и дозировки)	Грибы (в зависимости от вида и дозировки)	В рецептурных прописях фигурируют как «Agarici», «Agarici albi», «Agarici pontici». Скорее всего, имеются в виду представители грибного отряда Agaricales (Агариковые), к числу которых относятся многочисленные виды грибов, в т. ч. мухомор галлюциногенный, гриб-фонарь (омфалот олеарий) и др., содержащие токсины, приводящие к рвоте, диарее, судорогам и др., а в ряде случаев — и к смерти
4.		Ароматические вещества	Ладан, мирра, сагапенум (смолокамедь, добываемая из персидского растения ferula persica), смолы различных деревьев рода Commifora (босвеллии, ладанного дерева, мирра, канариума)
5.	Чечевица		«Французская чечевица» (Ervum ervilia) упоминается как компонент антидота в парижском Codex Medicamentarius 1884 г.; в более ранних рецептах, начиная с Галена, — мука из зерен вики чечевицеобразной (Vicia ervilia или Orobus) [62, с. 235]. В зависимости от формы (жидкий отвар, густой отвар) применяется как пробиотическое, противовоспалительное, слабительное или вяжущее средство, применяется при заболеваниях почек)
6.	Лепешки из морского лука		Дри́мия прим о́рская (лат. Drímia marítima); настой — слабительное и мочегонное средство
7.	Опий, опиаты		Наркотическое средство (обезболивающее)
8	Мята		Использовались побеги и листья различных видов мяты (горной мяты — Calamentum; кошачьей мяты — Nepeta; конской мяты — Marrubium); успокаивающее, противовоспалительное, антимикробное, спазмолитическое, гемодинамическое и желчегонное средство

9	Валериана		Корни и побеги различных видов В. — Nardus Indica, Nardus Celtica, Phu pontica; успокаивающее средство
10	Зверобой		Hypericum, Mille-pertuis; антидепрессант
11	Золототысячник		Centaureum minoris; применяется при терапии хронических воспалений мочевого пузыря и почек, как слабительное средство, а также для лечения целого ряда кожных заболеваний, в т. ч. экземы
12	Корень солодки (сок)		Корень солодки, вернее, его сок, неизменно входит в состав всех териаков, как и семена фенхеля, аниса, петрушки македонской (Petroselinum Macedonicum); см. примеч. к № 18; отхаркивающее, противовосполительное, обволакивающее средство
13	Кардамон		См. ниже, примеч. к № 17; выраженный тоник, мочегонное, противовоспалительное, антибактериальное, антиоксидантное и ветрогонное средство, стимулятор выделения желудочного сока
14	Фенхель (семена)		Слабительное средство
15	Ромашка (Анациклус лекарств.)		Противовоспалительное средство
16	Мед	Мед	Антибиотик, легкое слабительное. В териаках применялся как подсластитель. Будто бы являлся основой амброзии — божественного напитка молодости и бессмертия. Сильный аллерген
17	Тмин		Относится к числу растений рода Ferula (см. примеч. к № 18). В териаках использовался «дикий тмин» (Carum silvaticum, он же Agrestum, Cordumeni); есть у Серапиона (Ибн Сераби), Авиценны и в первых европейских фармакопеях — Флорентийской (1498), Барселонской (1535), Лионской (1543), явно копирующих «терьяк аль-фарук» Авиценны или рецепты Николая Салернского (XII в.; одно из печатных изданий — Dispensarii magistri Nicolai Praepositi ad aromatarios. Lyon, 1495). В дальнейшем тмин, по-видимому, заменяется кардамоном (Cardamomum), вероятно, во исправление ошибки арабских переводчиков с греческого [63, p. 17]. Еще только в Аугсбургских фармакопеях 1564 и 1653 гг. семена тмина упоминаются в составе т. н. Theriaca communis. В последующих рецептах остается только так называемый «индийский» или «коптский» тмин (у Авиценны — «ажгон») Trachyspermum ammi. Тмин, тем не менее, появляется вновь уже в составе «орвиетана» — в фармакопее Николы Лемери (1697 г.) и в Парижском кодексе (1758 г.). Слабительное средство

18.	Петрушка македонская		Использовались плоды, стебли, корни, цветки, листья, семена и сок растений рода Ferula (сныть, анис, тмин, кориандр, морковь, петрушка македонская (Petroselinum Macedonicum), сельдерей, фенхель, пастернак). О кориандре, как о простом средстве, говорит только бен Маймонид [36, p. 33]. Мочегонное, ветрогонное, антиоксидантное, дезинфицирующее, противовспалительное средство; регулятор водно-солевого баланса; повышает аппетит, улучшает пищеварение
19.	Анис		См. примеч. к № 18; мочегонное, спазмолитическое, противовоспалительное, анальгезирующее, седативное, кардиопротективное средство

Таким образом, в прописи противоядий входили как компоненты, совершенно бессмысленные с позиций современной медицины (например, мясо змеи), так и травы и вещества, которые оказывали: 1) послабляющее; 2) мочегонное; 3) противовоспалительное; 4) успокаивающее; 5) наркотическое (опий) действие. Иными словами, составы териаков включали вещества с разносторонним фармакологическим эффектом.

Если иметь в виду, что средство мыслилось именно как противоядие, то очищение кишечника, а также стимуляция деятельности желудочно-кишечного тракта и почек могли привести к определенному терапевтическому эффекту. Териак Горсея неизбежно должен был спровоцировать экскреторную систему Марии Федоровны Нагой, способствовать выведению из ее организма избытка воды, солей, продуктов обмена веществ и токсинов.

Кроме того, в рецептурах явно прослеживается соблюдение принципа «Similia similibus curantur» («Подобное излечивается подобным») — этим объясняется присутствие в них мяса ядовитых змей или ничтожно малых доз ядовитых грибов.

Обращает на себя внимание и то, что в состав венецианского териака, примененного к Марии Нагой, как и в любом из древних антидотов, непременно входили корень валерианы (Valeriana officinalis), зверобой (Hypericum perforatum) и опиаты. Валериана традиционно использовалась и как противоядие, и как действенное успокоительное: она должна была несколько смягчить ощущение тревоги, несомненно мучившей царицу. Зверобой выступал довольно сильным антидепрессантом растительного происхождения и мог ослабить проявления душевной тоски. Опием и опиатами с древнейших времен врачи снимали у больных болевой синдром; это наркотическое вещество, безусловно, могло облегчить мучения Марии Нагой, испытывавшей постоянный кожный зуд и боль [1, с. 461–496].

Впрочем, при длительном применении корень валерианы со временем мог несколько усугубить депрессию, тогда как зверобой для хорошего клинического эффекта следовало принимать не менее двух недель [1].

Впервые появившись в России в багаже Джерома Горсея, териак готовился в отечественных аптеках вплоть до 1917 г. К тому времени его официальная рецептура («пропись») включала всего 9 компонентов — значительно меньше, чем должно было быть в венецианском составе Горсея: «Rhiz. Angelicae p. 6,0, Rhiz. Serpentariae, p. 3,0, Rhiz. Valerianae p. 2,0, Bulbi Scillae p. 2,0, Rhiz. Zedoariae p. 2,0, Cort. Cinnamomi p. 2,0, Ferr. sulfur, p. 1,0, Myrrhae, p. 1,0, Mel. depur, p. 75,0» [57].

Как видно из «прописи», препарат состоял из шести частей корня дягеля (Rhizus Angelicae radix), трех частей корня серпентария (Rhizus Serpentariae), двух частей корня валерианы (Rhizus Valerianae), двух частей морского лука (Bulbi Scillae), двух частей цитварного корня (Rhizus Zedoariae), двух частей коры коричного дерева (Cortex Cinnamomi), одной части сульфата железа, одной части мирры (Myrrhae) и 75 частей очищенного меда (Mellis depur).

Обращает на себя внимание, что в состав позднего «русского» териака важнейший компонент средневековых противоядий — опий — уже не входил. Судя по рецептуре, препарат утратил свои свойства «универсального противоядия» и был показан при заболеваниях желудочно-кишечного тракта, связанных с недостаточным сокоотделением, спастическими болями и вторичной железодефицитной анемией. Кроме того, его могли применять при истощении нервной системы в качестве седативного средства. Этот териак обладал также противовоспалительным и мочегонным действием и вполне мог купировать болевой синдром[7].

Почему у Нагих возникли подозрения, что царица Мария Федоровна подверглась отравлению?

В древности, в Средневековье и в начале Нового времени отравление было одним из важнейших способов политической борьбы и действенным средством устранения политических соперников. Оно считалось достаточно эффективным, наименее заметным и почти безопасным для злоумышленника, опасавшегося быть уличенным. В зависимости от выбранного яда отравление могло действовать мгновенно либо, при методичном применении токсичного вещества в малых дозах, приводить к необратимым последствиям и смерти — но не сразу, а в результате постепенного накопления токсинов в организме.

В связи с этим обращают на себя внимание выводы антропологов, занимавшихся изучением костных останков и восстановлением мягких тканей лица по лицевому скелету московских великих княгинь и цариц. Исследования подтвердили, что некоторые из них умерли насильственной смертью, подвергаясь медленному, методичному отравлению. В частности, такая судьба постигла мать Ивана Грозного — Елену Глинскую — и его первую жену, царицу Анастасию Романовну.

---

[7] Состав териака по прописи первой четверти XX в. реконструирован П. В. Белоусовым.

Любопытно, что в останках Марфы Собакиной, которая скончалась вскоре после свадьбы и, по предположениям современников, была отравлена, не выявлено ни солей ртути, ни мышьяка в опасных для жизни концентрациях. Не исключено, что, если «царская невеста» и стала жертвой отравления, то какими-то ядами растительного происхождения — например, токсичными травами или грибами.

Напротив, довольно высокое содержание солей ртути и мышьяка в костных останках царицы Ирины Годуновой, по предположению антропологов, не свидетельствует об отравлении. Согласно медицинским представлениям Средневековья, малыми дозами препаратов ртути и мышьяка ее могли лечить — в частности, от бесплодия и, вероятно, от заболеваний костной системы. У царицы был выявлен порок развития костей таза, препятствовавший вынашиванию детей.

В костных останках Ивана Грозного и царевича Ивана Ивановича обнаружено большое количество ртути, что может указывать на возможное острое или хроническое отравление ее препаратами [58, с. 184; 59, с. 26–31; 60, с. 110–115; 61, с. 90–100].

Отравители чаще всего прибегали к использованию мышьяка — точнее, триоксида мышьяка, — который надолго вытеснил другие яды. Белый порошок, незаметно подмешанный в пищу или напиток, не изменял их вкуса; при этом сам он не имел ни вкуса, ни запаха. Иными словами, обнаружить мышьяк в еде было практически невозможно. Именно поэтому, опасаясь отравления, прибегали к практике пробы кушанья другим человеком либо животным (например, собакой).

Специалистам в области судебной медицины известно, что большая доза мышьяка вызывает быструю смерть, тогда как введение его в организм малыми дозами приводит к летальному исходу при явлениях гастроэнтерита. В таких случаях сомнений в естественной смерти обычно не возникало — методов определения токсинов в теле умершего в то время еще не существовало.

Также отравители пользовались сернистыми соединениями мышьяка, сурьмой, ярь-медянкой (окись меди) и др. Среди ядов животного происхождения наиболее распространенными были порошки из шпанской мухи, жабы, желчи гадюки и пр. В Средние века нередко применяли и ядовитые растения: белую акацию, бузину, жимолость необыкновенную, ландыш майский, лютик, плющ, наперстянку, белену черную, белладонну, волчье лыко, дурман обыкновенный и др. Всего насчитывалось около 700 видов растений, а также ядовитые грибы [61, с. 90–100].

Таким образом, арсенал токсинов, использовавшийся врачами и отравителями XVI–XVII вв., был однотипным. Гибель Дмитрия Угличского навсегда лишала Нагих шансов на путь к трону. Неудивительно, что они, боясь и прогнозируя смерть царевича, опасались и за свою жизнь. В состоянии Марии Нагой после утраты сына они усматривали признаки

отравления [15, с. 196–203], с которым, по-видимому, пытались бороться при помощи венецианского «трикла» Джерома Горсея.

Список источников и литературы

1. *Столярова Л. В., Белоусов П. В.* Джером Горсей о событиях мая — июня 1591 г. в Угличе и в Москве // Древнейшие государства Восточной Европы. 2011 год: Устная традиция в письменном тексте. Москва, 2013. С. 461–496.

2. *Горсей Д.* Записки о России, XVI — начало XVII в. / пер. и сост. А. А. Севастьяновой. Москва: МГУ, 1990. 288 с.

3. Rude & Barbarous Kingdom. Russia in the Accounts of Sixteenth Century English Voyagers / ed. by L. E. Berry, R. O. Crummey. Madison, Vilwaukee and London, 1968. 391 p.

4. Dictionnaire encyclopédique des sciences médicales Sous la direction d'A. Dechambre et L. Lereboullet. Paris, 1887. T. 17. 776 p.

5. Lémery N. Pharmacopée universelle. T. 2. Paris, 1764. 1094 p.

6. *Бурдина О. Б., Олехнович О. Г.* Особенности номинации лекарственных форм в России: динамика развития термина // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2021. Т. 13, вып. 1. С. 5–14.

7. *Liddell H. G., Scott R.* A Greek-English Lexicon. Oxford, 1940. 2111 p.

8. Galeni Methodus medendi / interpr. T. Linacre. Lutetiae, 1519. CLXXXVII p.

9. *Galen.* De Antidotis // Galeni Operum Quintus Tomus. Basileae, 1549. Lib. I. P. 389–392.

10. A Latin Dictionary / C. T. Lewis and C. Short. Oxford, 1879. 18150 p.

11. *Гадаскина И. Д., Толоконцев Н. А.* Яды — вчера и сегодня. Ленинград: Наука, 1988. 204 с.

12. *Dechambre A.* Dictionnaire encyclopédique des sciences médicales. Paris, 1886. T. 33. 806 с.

13. Dictionnaire de la langue française / É. Littré. Paris, 1874. T. 2. 946 p.

14. Codex medicamentarius, Pharmacopée française / G. Masson. Paris, 1884. 728 с.

15. *Каштанов С. М., Столярова Л. В., Белоусов П. В.* Когда умер Афанасий Нагой и мог ли он руководить «антигодуновским заговором»? // Петербургский исторический журнал. 2017. № 1. С. 196–203.

16. Pharmacopée universelle, contenant toutes les compositions de pharmacie qui sont en usage dans la médecine, tant en France que par toute l'Europe... Avec un lexicon pharmaceutique... Par Nicolas Lemery. Paris: de Saint & Saillant [etc.], 1763. Vol. 1. 1285 с.

17. Online Etimology Dictionary: [сайт]. URL: https://www.etymonline.com (дата обращения: 12.04.2022).

18. Персидско-русский словарь / сост. В. А. Рубинчик. Москва: Советская энциклопедия, 1970. 783 с.

19. Арабско-русский словарь / сост. Х. К. Баранов. Москва: Русский язык, 1976. 944 с.

20. [Обозначение термина] // Online Etimology Dictionary: [сайт]. URL: https://www.etymonline.com/search?q=treacle (дата обращения: 05.03.2022).

21. Dio's Roman History / T. E. Page, W. H. D. Rouse. London, 1914. Vol. III. 528 с.

22. *Манандян Я. А.* Круговой путь Помпея в Закавказье // Вестник древней истории. 1939. № 4 (9). С. 70–82.

23. *Andromachi Senioris.* Antiquissimum de Theriaca Carmen... Norimbergae, 1754. 24 p.

24. *Galeni Clavdii Pergameni.* De anatomicis administrationibus libri nouem / J. Cornarius. [Paris], 1531. 172 p.

25. Dictionnaire encyclopédique des sciences médicales / Amédée Dechambre. Paris, 1874. T. 8. 791 p.

26. *Mynsicht A. von.* Hadriani a Mynsicht Thesaurus et armamentarium medico-chymicum. Lubecae, 1638. 525 p.

27. Codex medicamentarius, Pharmacopée française / G. Masson. Paris, 1758. 320 p.

28. De Antidotis // Galeni Operum. Basileae, 1549. T. 5.

29. *Тацит К.* Сочинения. [В 2 т.]. Т. 1. Анналы. Малые произведения. Москва: Ладомир, 1993. 443 с. В содерж.: Анналы, кн. 14.

30. *Горелова Л. Е.* Высокая миссия фармацевта // Русский медицинский журнал. 2002. Т. 10, № 6. С. 317–318.

31. *Ал-Масуди.* Золотые копи и россыпи самоцветов / пер. Д. В. Микульского. Москва: Наталис, 2002. 800 с. (Сер. «Восточная коллекция»).

32. The History of al-Tabari / transl. J. L. Kraemer. New York, 1989. Vol. 34. 249 p.

33. *Ibn Abi Usaibia*. History of Physicians / transl. L. Kopf. Online edition.

34. The Works of Ibn Wāḍiḥ al-Yaʿqūbī. Vol. 3. The History («Taʾrīkh») / M. S. Gordon & others. Online edition.

35. *Ибн Сина (Авиценна) Абу Али*. Канон врачебной науки Кн. 5. Ташкент: Фан, 1980. 382 с.

36. *Maimonides*. On Poisons and the Protection against Lethal Drugs / transl. Gerrit Bos. Provo. Utah, 2009. P. 1–62.

37. Pharmacorum conficiendorum ratio: Vulgo vocant Dispensatorium / Valerius Cordus. Norimbergae, 1547. 12 p., 273 colonne.

38. *Cordi V.* Dispensatorium, sive pharmacorum conficiendorum ratio, a Petro Coudebergo. infinitis erroribus liberata atque vindicata. Lugduni, 1571. 473 p.

39. Aetii medici graeci contractae ex veteribus medicinae tetrabiblios / Janus Cornarius. Lugduni, 1549. 36 p., 1030 colonne, 19 p.

40. Enchiridion Dispensarium... / Thibault Lespleigney. Lugduni, 1543. 516 с.

41. Pharmacopoeia, medicamentorum omnium... / Anutius Foësius. Basilea, 1561. 672 p.

42. Pharmacopee / Laur. Ioubert. Lyon, 1592 // Internet Archive: [некоммерч. библиотека]. URL: https://archive.org/details/hin-wel-all-00002169-001 (дата обращения: 01.09.2026).

43. Pharmacopee / Brice Bauderon. Lyon, 1611. 558 p.

44. Codex medicamentarius seu Pharmacopoea Parisiensis / Philippus Hardvinus. Lutetiae Parisiorum, 1638. 129 p.

45. Pharmacopée royale galénique et chymique / Moyse Charas. Paris,1676. 954 p.

46. Lémery N. Traité universel des drogues simples. [Репр. изд.]. Москва, 2011. 918 с.

47. Codex medicamentaria, seu Pharmacopoea Parisiensis / J.-B. Boyer. Parisiis, 1758. 320 p.

48. *Griffin J. P.* Venetian treacle and the foundation of medicines regulation // British Journal of Clinical Pharmacology. 2004. Vol. 58, № 3. P. 317–325.

49. Oxford Advanced Learner's Dictionary: [сайт]. URL: https://clck.ru/3VZTFz (дата обращения: 03.03.2022).

50. A Physical Directory: Or a translation of the Dispensatory made by Colledge of Physitians of London / Nicholas Culperer. London, 1650. 226 p.

51. *Mynsicht A., von*. Thesauri et armamentarii mediochymici appendix philosophica-poëtico videlicet; Testamentum Hadrianeum: Quo suam de aureo

philosophorum lapide sententiam, adeoqueultimae voluntatis sua dispositionem, sapientiae & doctinae filius revelat autor // Thesaurus et armamentarium... Lubecae [Lübeck], 1638. 724 p.

52. Pharmacopaea Amstelredamensis. Amsterdam, 1683. 189 p.

53. *Mynsicht H. a*. Thesaurus et armamentarium medico-chymicum. Lubecae, 1638. 20 f., 525 p., 1 f., 10 p., 1 f., 24 p.

54. Pharmacopoea Rossica // Codex medicamentarius Europaeus. Leipzig, 1821. Sect. 5. T. 1. P. 174–175.

55. Pharmacopoeia Augustana Reformata / Johannes Zwelfer. Gaudae, 1653. 917 p. («Theriaca communis», p. 422).

56. *Yuhanna Ibn Serapion*. Breviarium Medicinae. Venezia, 1497. 212 p.

57. Териак // Большая медицинская энциклопедия. Электрон. версия. URL: https://bigmeden.ru/article/ (дата обращения: 03.03.2022).

58. Антропологическая реконструкция и проблемы палеоэтнографии. Москва: Наука, 1973. 192 с.

59. *Панова Т., Пежемский Д*. Отравили!: Жизнь и смерть Елены Глинской: историко-антропологическое расследование // Родина. 2004. № 12. С. 26–31.

60. *Панова Т. Д*. Средневековая Русь: яды как средство сведения счетов // Наука и жизнь. 2006. № 8. С. 110–115.

61. *Панов И. Е*. Отечественная Судебная медицина с древности до наших дней. Москва: Кн. клуб «Книговек», 2011. 288 с. (Сер. «Золотая библиотека российской медицины»).

62. *Анненков И*. Ботанический словарь. Санкт-Петербург: Имп. акад. наук, 1878. 288 с.

63. *Dioscoridis Anazarbei*. De medica materia / ed. Amatus Lusitanus. Lugduni, 1558. 807 p.